

Ирина Лазаренко

КУПЛЮ
ЛОТОК
ДРАКОНА

ТРЕБУЕТСЯ
ВОЗЬМАК

ЭЛИКСИРЫ
ИЗ ЗАПАСНИКОВ
ХРАМА.

НЕДОРОГО.

Могут содержать
следы эльфов*

КОНТРАКТ
НА СОСТРИГУ.

ЗАЧАРУЮ ПОДВАЛ

Ирина Лазаренко

Требуется возьмак

«Автор»

2026

Лазаренко И. В.

Требуется возмак / И. В. Лазаренко — «Автор», 2026

Охотник на монстров Гервант из Кривии застрял в храмовой аптекарне. Чтобы вернуться на тракт, ему нужно залечить шею, разорванную сострыгой, и вывалить содержимое своей памяти перед жрицей-психотерапевтом Иолей, чье молчание бесит сильнее, чем скрежет жвал кикиморы. Вас ждет полное погружение в будни возмака: джинн-шантажист, проклятая принцесса, знакомство с бардом Люциком, разборки с токсичными заказчиками, попытки утопить экзистенциальный кризис в чарке лимонной водки. Каждый возмачий заказ становится ключом к заветной печати в истории болезни. Но захочет ли Гервант дойти до конца этого анамнеза или начнёт писать новую историю?

© Лазаренко И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Возмак	6
Осадок смысла 1	18
Издержки искренности	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирина Лазаренко

Требуется возьмак

Ирина Лазаренко
Требуется возьмак

Возмак

Позже в протоколах запишут, что возмак пришел со стороны Конопатных ворот, в народе прозванных Закаточными – ибо именно здесь у приезжих закатывались губы на легкий заработок. Стражи на тех воротах сразу поняли: нелюдь тёртый. Не пересёк граничную черту сразу, вначале допытался, не считается ли заезд в город на лошади несанкционированным митингом или нарушением санитарных норм.

Возмак надвигался на вечер, шагая через лавочные и мастерские кварталы. Шёл долго и остановился наконец перед корчмой с вывеской «Лис и похмелье», мимолётно двинул бровью: лет двадцать назад, когда возмак последний раз был в Выжиме, корчма называлась иначе. Кажется, тогда в названии был осенний лис.

Внутри пахло кислой капустой, пивом и ожиданием драки – обычный коктейль вечерних запахов в подобных заведениях.

– Пива, – бросил корчмарю, проходя за стол.

Стол выбрал маленький, в самом углу, подальше от сквозняка и любопытных глаз. Сел, вытянул ноги с блаженным и долготерпимым вздохом нелюдя, которому до назначенного храма диспансеризации пилить ещё три королевства, а спина болит уже сейчас.

Расстегнул куртку, повёл плечами. Под воротом рубашки висел серебряный медальон с чеканным волком, кусающим собственный хвост.

– Возмак, – ахнул кто-то.

Сидевший за соседним столом подвыпивший коновал вдруг замер с кружкой у рта. Его лицо приобрело странное, мечтательное выражение.

Он медленно повернулся и зашептал, привставая на полусогнутых:

– Слышь, милсдарь... у тебя глаза такие... как у моей первой козы. Гляжу в них – и жить хочется. Хочешь, я тебе сапоги почищу? Просто так, по дружбе?

– Сядь на место, – не поднимая взгляда, бросил возмак. – И думай о налогах. Помогает.

Коновал всхлипнул, уткнулся в кружку и начал тихо бормотать что-то про несправедливость мироздания. Возмак вздохнул. Что поделать, если твоя доля – не только убивать монстров, но и постоянно работать живым громоотводом для чужих подавленных девиаций.

Мрак бы побрал возмачьи эманации, вызывающие лёгкую вибрацию при касании. А пуще того побрал бы мрак сопровождающие их слухи и забобоны.

К столу подошёл корчмарь. Полотенце он держал на манер щита и старательно не смотрел гостю ниже подбородка. Выше были длинные седые волосы, стянутые в высокий хвост на затылке, суровое, словно топором вырубленное лицо с трёхдневной щетиной и престранные глаза – вроде серые, но как будто подсвеченные при этом, отливающие серебром, словно порчей.

Ещё и меченый, тьфу-тьфу.

Корчмарь быстро поставил на стол пиво и чуть не отскочил.

– Говорят, ваш король Фольстарт ищет специалиста по монстрам, – медленно проговорил возмак и сделал глоток из кружки. – По сострыгам.

Корчмарь наконец распознал его выговор. Кривянин.

Сплюнул на пол.

– Специалиста? Тут их целое кладбище, специалистов этих. Последнего на прошлой неделе вынесли – принцесса Алла, пока его жрала, попутно так орала про его заначку от жены, что вдова отказалась оплачивать похороны. Лежит теперича в общей яме, ага.

Возмак, не опуская глаз, глотнул из кружки. Корчмарь сделал полшагочка назад и повысил голос:

– А ты, я гляжу, из Кривии? Из Кривии, сталбыть, милсдарь возмак?

И наступила та самая тишина, которая обычно предшествует либо божественному откровению, либо массовой потасовке. Трое местных – типичные представители городского дна с лицами, на которых жизнь расписалась отнюдь не цветами, – медленно поднялись из-за своего стола.

Их предводитель, детина с перебитым носом и мутными глазами, шагнул к столу. Корчмаря как ветром сдуло.

– Слышь, возмак кривянский, – выдохнул детина, обдавая перегаром. – Ты чё тут на нас фонишь? У меня от тебя... аж щемит.

– И свербеть начало в таких местах, – подхватил его рябой товарищ и тут же почесался, – о которых на людях и думать-то не след. Ты чойта, приворожить нас вздумал, возмак?

– Я просто пью пиво, – глухо ответил тот, не поднимая глаз. – Идите домой. К женам и детям. Подумайте о сельском хозяйстве.

– Не... – детина качнулся, его кулаки сжались. – Ты нам за это ответ-тишь! Ты нам всю ор-виент-такцию ломаешь своим колдовством!

– Парни, – рябой задохнулся. – Бе-ей!

И первым кинулся, неуклюже, с подхваченным тут же табуретом. Возмак даже меч не выхватил – слишком много чести для подобной дыры. Просто сместился в сторону с той самой мутантской грацией, об которую на миг спотыкается время.

Из реальности будто выдернули полстука сердца, рябой крутнулся вокруг своей оси, табурет встретился с головой детины, глухой звук удара прозвучал почти мелодично.

– Это было самопроизвольное выделение агрессии, – констатировал возмак, подсекая рябого.

Тот рухнул, придавленный собственным весом и внезапным осознанием, насколько же быстро вращается мир.

Третий, самый мелкий и трезвый, вытащил нож.

– Ты... ты что с ними сделал, мутант?! Они же просто хотели...

– Они хотели сублимировать свои страхи через физический контакт, – возмак вдруг оказался на ногах и мягко перехватил мелкого за запястье. Раздался глухой хруст и плаксивый вопль. – Я лишь помог им завершить процесс.

Корчмарь, выглядывая из-за стойки, выкрикивал что-то про убийц, кто-то из посетителей ломился в двери, с улицы кричали почему-то про нарушение комендантского часа. Там-сям за столами тоже под шумок начали друг друга мутузить. Кто-то сцепился с коновалом.

Возмак оглядел поле боя и уселся обратно на стул. Посмотрел на корчмаря. Если честно, просто хотелось горячего супа, а не вот этого всего.

– Зови стражу, пусть ведут меня к ипату. Я дороги не знаю. Скажи им, пришел мастер Гервант, специалист по монстрам, включая сострыг. А если стража не явится, пока я пью пиво, я начну эманировать на всю округу, и завтра половина ваших чинуш подаст в отставку, чтобы уйти в монастырь вышивать крестиком.

Ждать не пришлось. Возмак и трёх глотков не сделал, как в корчму вошёл крупный лысоватый вельможа – ипат Выжимы Валера, вошел так, словно вступал на поле коровьих лепёшек. В одной руке у него был надушенный платок, в другой – свернутый в трубку официальный эдикт, которым он прикрывался как щитом.

– Всем ша! – Валера махнул платком на стонущих мужиков. – Вон! Живо! И не вздумайте писать коллективную жалобу, мне всё передали в точности: вы первые начали проявлять... нездоровую заинтересованность в госте города!

Когда корчма опустела (коновала выносили последним, он всё еще пытался послать Герванту воздушный поцелуй через выбитые зубы), Валера осторожно присел на край самого дальнего от возмака стула.

– Ну и ну, милсдарь... Герлянд, верно?

– Гервант.

– Вы хоть понимаете, что натворили? У нас завтра городской совет, а вы мне электорат вводите в состояние когнитивного диссонанса.

– Я просто хотел супа, – глухо повторил Гервант. – И контракт.

– Контракт, контракт... – Валера нервно постучал по столу свёрнутым свитком. – Все вы хотите контракт. Ты чьих будешь-то? Из сословия вольных копий, фри-лансов?

Гервант похлопал по рукояти меча.

– Я возмак. Копья у меня нет, есть два меча и хронический гастрит.

– Вона как, возмак! – Валера сделал вид, будто удивился. – И знак возмачий при тебе?

Гервант бряцнул цепочкой медальона. Валера, прищурившись, рассматривал потемневшее серебро. Долго. Наконец спросил:

– А чего этот волк свой хвост ест? Он больной?

– Он самозанятый.

В малой советной комнате при канцелярии кастильяна собрались, помимо возмака, трое: Валера, который заметно расслабился после второго кубка, хмурый воевода Остор и лощёный королевский советник Сегизмунд. Герванту выдали наконец большую миску супа и ещё одну – с густым мясным рагу, но сесть велели на торце стола, противоположном от остальных – «для лучшей акустики», как выразился Сегизмунд.

– Ты ешь, милсдарь возмак, ешь, – Валера обсосал утиную кость и кинул её под стол псу. – Силы тебе понадобятся.

– Ежли не сбежишь, – мрачно бросил Остор.

Возмак смерил его паскудным взглядом серебряных глаз и принялся за суп.

– Наша ситуация... – вкрадчиво заговорил Сегизмунд, – это, милсдарь, не просто очередное «убей-принеси», к чему, как мы знаем, тяготеют возмачьи контракты.

– У нас тут семейная драма государственного масштаба! – Валера ахнул кружкой по столу.

– Король Фольстарт – человек сложный, – снова зажурчал Сегизмунд.

Валера подался вперед, понизив голос до шепота:

– А его, знаете ли, фальстарт в личной жизни обернулся тем, что теперь у нас в старом замке живет нечто, что орет по ночам голосом мытаря и жрёт людишек почём зря.

Возмак облизал ложку и выставил её перед собой, прерывая поток слов.

– Изложите ТЗ. Что конкретно нужно заказчику?

– Его величество желает ребрендинг, – отчеканил Валера.

– Сострыги?

Остор вздохнул. Валера и Сегизмунд переглянулись. Советник прокашлялся.

– Видите ли, милсдарь Гервант... Наш государь Фольстарт – человек порывистый. В юности он... слишком буквально воспринял тезис о том, что семья – это главное. Воспылал, понимаете, большой страстью к родной сестре своей, Илзе.

Возмак глядел на Остора и видел в его глазах какую-то мутную лютю.

– Илзе, и верно, была ослепительна. И король не хотел делиться этой красотой ни с кем из соседей-королей.

– Инцест, – коротко перебил Гервант.

– Мы предпочитаем термин «внутридинастическая консолидация», – сухо поправил Сегизмунд. – О чём, по счастью, не прознали в сопредельных королевствах, и даже у нас в Тамарии лишь самые приближённые ко двору ведали...

Валера вздохнул и принялся наливать себе пива.

– Но природа, эта старая стерва, не оценила наш юридический креатив. Четырнадцать лет назад Илзе умерла при родах, а то, что родилось... Ну, сначала оно тоже как бы умерло при родах и было просто мертвым. Семь лет оно было мёртвым, милсдарь возмак, и лежало в саркофаге.

– Ты ж видел старый дворец на холме, Гервант? – спросил вдруг Сегизмунд. – Вот уж четырнадцать лет он зарастает чёрным плющом. Когда Илзе умерла в родах, Фольстарт не смог там оставаться. Он построил новый замок, пониже, поближе к людям, к шуму рынка.

– Думал, что если съедет от своей совести, она перестанет за ним ходить, – сухо добавил Остор, и Гервант снова посмотрел на него очень внимательно.

– Семь лет была тишина, – заговорил Валера, и его голос дрогнул. – Семь лет склеп в подземельях был запечатан королевскими печатями и сороками слоями заклинаний. Чтоб никто, значит, не влез. Не увидел останки младенца в саркофаге. Мы уж думали – всё, королевская тайна запечатана в камне, бывшее плющом поросло. Фольстарт даже начал уже рассматривать не без интереса портретики принцесс из сопредельных королевств. А потом... наступила Ночь Первого Крика.

– Сначала замолчали птицы, – продолжил Сегизмунд глухо. – В один миг. А потом из Старого Дворца пошел звук. Это был рёв зверя, Гервант, сплетённый со звуком рвущейся реальности. Печати лопнули. Явилась здорово подросшая, знаешь ли, принцесса Алла, и по виду была она истинной сострыгой: четыре локтя росту, длиннющие руки с во-от такими когтями, зубы – во!..

– Но, как я понял, она не просто сострыга? – поторопил возмак, отодвигая миску из-под супа.

– Это верно, она не просто сострыга. Принцесса не только жрёт людей и растаскивает их ливер на расстояние полёта стрелы, она ещё и фонит. Она как-то влезает людям в головы... слышали об оракулах, милсдарь? Так вот, она – анти-оракул. Всё про всех знает и орёт об этом так, что уши закладает. В Ночь Первого Крика она до рассвета жрала людей и вываливала все их секреты на расстояние трёх кварталов. Девятерых изволила загрызть, хотя насытилась-то уже одним, у прочих только ливер...

– Хорош! – гавкнул вдруг Остор и стукнул кулаком по столу.

– И вот теперь у нас есть Алла, – после недолгого молчания продолжил Валера. – Сострыга. Некоторые людишки говорят, под её влиянием действительность сострыгается, как ткань под тупыми ножницами. Некоторые чувствуют зуд за ушами за несколько дней до полнолуния. Мол, это Алла начинает фонить и транслировать...

– Почему её не уничтожили сразу? – спросил Гервант. – Разве она не впадает в летаргию между полнолуниями?

– Да кто её знает, – Остор с грохотом поставил кубок на стол. – Если и впадает, то просыпается, стоит кому-либо войти на территорию старого дворца. За его пределы она не выходит иначе как в полнолуние, это правда. А Фольстарт запретил приближаться ко дворцу, запретил вредить принцессе... Так что вы мотайте на ус, милсдарь Гервант: убийство было бы потрясающе нецелевым использованием ресурсов.

Сегизмунд вертел в пальцах пустой кубок, глядя на пламя свечи. Его лоск куда-то исчез, обнажив серую, пергаментную кожу человека, который слишком много ночей провел без сна.

– После Ночи Первого Крика Фольстарт созвал магов и чернокнижников. Они пришли с приборами, с весами для измерения греха, с древними фолиантами, кристаллами. Они называли явление сострыги «постмортальной флуктуацией». Много говорили умных слов, навели тень на плетень без всяческого толка. Но было там два старых колдуна, с которых и начался-то весь этот сыр-бор!

– Они, – перебил Валера, – пошушукавшись, заявили, что проклятие сострыги – эхо семейных грехов, и что сострыгу можно расколдовать. Мол, стоит только провести с ней рядом

цельную ночь – делов-то! – как сострыга и обратится в премиленькую королевскую дочечку без никаких кльков и выкриков людишковых тайн.

– И что же? – заинтересовавшись, возмак подался вперёд.

– И представь только, Гервант, какие это были придурки: выложив Фольстарту всю эту чушь, они тут же отправились в старый дворец снимать, значит, королевское проклятие.

– И?

Сегизмунд горько усмехнулся.

– Алла вышла к ним ровно в полночь. И убивала их до утра. До сих пор порой в ушах эти крики, мольбы и хруст...

Помолчали.

– Но засела в голове у Фольстарта эта идея, что всё дело в проклятии и его можно снять, – заговорил Валера. – Так что наш милостивый король назначил солидную награду за расколдование принцессы...

– На какую награду, – перебил Остор, в упор глядя на Герванта, – до сих пор тянутся со всех краёв слабоумные да мошенники всяческих видов.

Гервант взгляда не отвёл и спросил:

– А не пытались Знающие разобраться, кто именно наложил проклятие? Ведь такие вещи не возникают сами по себе, вначале всегда бывает слово. Иногда намеренное, иногда нечаянное. Проклятие мог наложить кто-нибудь из дальних родственников Фольстарта, имевший виды на трон. Или кто-то из отвергнутых поклонников его сестры Илзе бросил в злой день злое слово...

Остор страшно побагровел и опустил глаза. Валера, доливающий вино в кубок, ничего не заметил.

– Того уже не узнать, Гервант. Ну и чего ж: когда Фольстарт заявил, что сострыгу требуется расколдовать, а не убить, все те маги, чернокнижники и Знающие просто пожали плечами и разъехались.

– Но вскоре после них пришёл один... «просветленный» рыцарь, – презрительно процедил Сегизмунд. – Пытался расколдовать Аллу «противостоянием воли», но не очень-то у него получилось. Сострыга орала такие подробности о том, как этот рыцарь подделывал счета за фураж и тайно примерял корсеты своей матушки...

Гервант ухмыльнулся.

– Следующий, – припоминал Валера, – был из здешних стражников. Он пытался одолеть сострыгу чтением устава караульной службы, думал, она впадёт в летаргию от скуки.

– Другой рыцарь, милсдарь Гервант, был так уверен в чистоте своих помыслов, что вышел к Алле с золотой розой и бухнулся на колено просить её руки.

– Потрясающе. Она отказала?

– Можно и так сказать. Она не просто его сожрала, она три часа орала список всех портовых борделей, где он закладывал эту самую розу в ломбард. И ещё с полгода Алла, выбираясь из склепа, напевала песенку, которую тот рыцарь пел по борделям: «Миллион... миллион... роз...» – хрипела она, разрывая очередную жертву. Полагаю, это можно принять за отказ.

– Словом, – заключил Гервант, – так оно и продолжается уже семь лет, каждое полнолуние?..

– Истинно так, милсдарь возмак, – Сегизмунд махнул рукой. – И ситуация, как бы сказать, накаляется. Вы-то понимаете: Алла – не просто монстр, она воплощенный общественный резонанс. Она выдает такие подробности о личной жизни Фольстарта, что мы уже трижды пресекали попытки переворота – вельможи хотели его совершить, просто чтобы не слушать истории про ночи Фольстарта с сестрой. Король приказывал заколотить досками все выходы из старого дворца, но Алле это не помеха, факты досками не заколотишь.

– Она взрослеет, Гервант, – посерьёзнев, добавил Валера. – И её правда становится всё невыносимее.

– Это страшно, – сказал вдруг Остор, ни на кого не глядя. – Это больно. Это гноящиеся раны и крики в голове.

– А если сострыга доберется до границ и начнет транслировать секреты Фольстарта на всю Северную Лигу – это политическая смерть, – веско добавил Валера.

Помолчали.

– Фольстарт страдает, – сказал вдруг Сегизмунд, и в его голосе прозвучала почти что боль. – Он не просто заказчик, Гервант. Он отец, который едва не каждое полнолуние читает отчеты о том, кого сегодня съела его дочь и что именно она при этом выкрикивала.

Гервант с сожалением отодвинул пустую миску из-под рагу.

– Итак, расколдовать, вернуть во дворец и чтобы она больше не делилась с окружающими подробностями королевского инцеста.

– И помни: если ты её убьешь, хотя бы и защищаясь, Фольстарт тебя казнит. Если она съест тебя... ну, мы хотя бы узнаем о тебе много нового. Но если расколдуешь её – станешь героем. Король закроет глаза на сегодняшний дебош в кабаке, заплатит щедро и даже, может быть, выпишет тебе действительную во всей Тамарии справку, что ты – социально неопасный мутант.

Гервант раздумчиво кивнул, вертя в пальцах медальон.

– Справка – это хорошо. Справка мне пригодится.

– При этом его величество будет очень... – Сегизмунд замялся, – трепетно относиться к результату. Он надеется, что когда проклятие падёт, из принцессы получится конфетка: с ароматом сирени, в пышных бантиках, с королевскими манерами и без воспоминаний о том, как она ела на ужин блаженных рыцарей и связанных преступников, которых мы в полнолуние теперь оставляем у старого дворца.

Гервант хмыкнул.

– Так что, милсдарь, берёшься ты за это дело?

– Берусь. Но бантиков и сирени не обещаю.

– Значит, нужно провести ночь в склепе? Правы были Знающие?

– Скорее всего. Её нужно выслушать до конца, не сойдя при этом с ума. И что насчет оплаты? – Гервант потянулся к контракту.

– Оплата по факту принятия объекта, – солидно проговорил Валера. – Только ты уж постарайся не задеть его величество при передаче акта выполненных работ. У короля и так нервы ни к черту, не хватало еще, чтобы он тебя возжелал из-за твоей этой... мутации-эманации. Это будет окончательный репутационный коллапс!

– Угу, – буркнул Гервант, читая контракт. – А выжил кто-нибудь из тех, на кого она нападала?

Контракт был подписан в трех экземплярах, скреплен печатями и подписями и передан в канцелярию для последующей подготовки акта. Теперь Герванту было дозволено ознакомиться с вещественными доказательствами.

В комнате, куда его поселили, пахло дешевым воском и прогорклым жиром. Гервант сидел у стола, чистя ногти коротким ножом. Его серебряные глаза-зеркала в полумраке казались двумя холодными монетами, бликующими через толщу воды со дна колодца.

Дверь скрипнула. Вошел высокий стражник в тяжелом плаще с глубоким капюшоном. За ним, скрючившись, хромало то, что осталось от молодого парня. Лицо его превратилось в маску из белых шрамов и красной кожи, он охромел на одну ногу и окривел на один глаз, рот его постоянно дёргался, открывая обломанные зубы.

– Вот, – бросил стражник удивительно звучным голосом. – Единственный, кто выжил. Гервант подошел, и парень вздрогнул, увидев серебряно-ртутные блики в глазах возмака.

– Сядь, – сухо велел тот. – Если будешь падать, постарайся на стол, а не на пол.

Возмак провёл над изуродованным лицом пальцами, сложенными в Знак Тишь.

– Множественные кусанные раны, – заговорил, словно читая заключение о результатах обследования в храме Нянике. – Нет следов от когтей. Она не собиралась убивать его. Она с ним... играла. Она его жевала. Зачем?

Взял парня за подбородок, заставил открыть рот.

– Язык цел. Он не говорит? Слуховые проходы зажили но... были разрывы барабанных перепонок? Она орала тебе прямо в уши, верно?

Парень внезапно всхлипнул.

– Она... говорила про маму... – едва разборчиво забормотал, захлебываясь слюной. – Что мама меня не хотела... что специально оставила дверь открытой...

– Кто твоя мать? – спросил осенённый догадкой возмак. – Как её зовут?

– Прачка она, господин. Звать Илзе.

Гервант отошёл на шаг, постоял, раздумывая. Потом, покопавшись в сумке, вытащил мешочек, вытряхнул на ладонь пару серых крупинок.

– Вот. Положи под язык, полегчает. – Кивнул стражнику. – Уводи его.

Стражник вывел охающего парня за дверь, передал его кому-то в коридоре и вернулся. Просто встал у двери и стал смотреть, как Гервант вытирает руки тряпкой, смоченной в чем-то резко пахнущем.

– Ты осматривал его так, будто разбираешься в лечении.

– Немного.

– Обычно ваш брат возмак спрашивает лишь, в какой стороне монстр и сколько золота за него заплатят.

Гервант бросил тряпку на стол.

– Я бы задал ровно те же вопросы, если бы сострыгу нужно было попросту убить, что не так трудно.

– Расколдовать сложнее?

– Обычно да. А значит, мне важно понять, как она «стрижёт» реальность, иначе я сильно рискую сдохнуть до рассвета. Адохнуть я не планирую, у меня график диспансеризаций расписан.

Возмак надеялся, что стражник, удовлетворив своё неуместное любопытство, уберётся, но тот не уходил.

– Что в тех крупинках? Что ты ему дал?

– Экстракт мандрагоры. Он успокоит тревогу, шепутные мысли, стыд и страх.

Стражник молчал долго, всё никак не уходя, и возмак забеспокоился: ну пожалуйста, только не это. Только не очередной любитель эманаций, который попросит потрогать мои шрамы или предложит горсть монет, чтобы постоять, обнявшись.

В Выжине, как и везде, «ценителей» наверняка хватало. А Гервант сейчас был решительно не в настроении для очередного громкого скандала.

Стражник запер дверь на засов. Гервант закатил глаза и приготовился сказать пару резкостей, но тут стражник скинул... к счастью, не плащ, а лишь капюшон.

Возмак мигом узнал этот красивый, слишком уж красивый профиль с высокими скулами – хоть на монетах чекань. Да собственно, его и чеканили. Склонился в почтительном поклоне. Не слишком почтительном – того и гляди, снова разболится спина.

Вживе король Фольстарт не выглядел величественно. Скорее он выглядел как человек, слишком долго смотревший вблизи на опыты алхимиков-подрывников.

– Валера наболтал тебе чепухи про бантики и сирень? – спросил король без предисловий.
– Не слушай его. Я знаю, что ты идешь туда умирать или убивать.

Гервант поднял голову.

– Ты уже снимал проклятия?

– Да, – коротко ответил возмак.

Король уселся на низкий стулик.

– Расскажи.

Возмак колебался.

– В Кедвене был один сын барона. Надругался над селянкой, а та возьми и брось проклятие, да с такой силой, что... придурок превратился в нечто среднее между пингвином и соковыжималкой. Несколько лет носился по берегу, бил морду рыбакам за утренний улов и над ними тоже...

– Надругался?

– Временами.

– И что же ты? Снял проклятие? Каким образом, хотел бы я знать!

Гервант помолчал.

– Я снял проклятие. Боюсь, распространяться о подробностях мне не позволяет кодекс возмаков.

– Удобно, удобно. Что-нибудь ещё?

– Ещё был случай в Сидорисе с проклятым артефактом. Юный маг случайно вобрал в себя энергию метафизического разрыва. Оброс поганками, совершенно потерял рассудок и переселился жить в дупло старого кедра, воображая себя лешаком. Полгода хороводил с кикиморами и пугал охотников.

– Ты снял его проклятие?

– Да, ваше величество.

– И как же? Снова кодекс запрещает выдавать подробности? Киваешь... Удобный кодекс, возмак, весьма. Видимо, мне остаётся лишь поверить, что ты имеешь опыт снятия проклятий и... Во что ещё мне стоит поверить, пока я ещё не знаю, идёшь ли ты спасать или убивать мою дочь?

Возмак взгляда не отвёл.

– В то, что снять проклятие с Аллы возможно, ваше величество. Что это будет больно. Что это может убить одного из нас или обоих. И... – возмак подумал и всё-таки добавил: – И что возможность снять проклятие не всегда того стоит.

– Почему? – враз побледневшими губами спросил Фольстарт.

– Потому что мир не добр к тем, кого видел в шкуре чудовища, – отрезал Гервант. – Мир такого не прощает и не забывает. Никогда, ваше величество.

Фольстарт долго смотрел в стену над его плечом.

– Я знаю, что за существом в этом склепе стоит моя гордыня, возмак. Я велю: «Расколдуйте мою дочь», но сам всякий раз задаюсь вопросом: а хорошо ли ей будет вернуться в мир, где её отец – я, а её прошлое – груды обглоданных костей?

Возмак молчал.

– Знаешь, Гервант... – продолжал Фольстарт ровным голосом, точно в трансе, – самое страшное – не то, что она орет наши тайны и даже не то, что она ест людей. Самое страшное – это когда наступает тишина. В этой тишине я слышу, как она плачет. Знаю, что на самом деле не могу ничего слышать на таком расстоянии, но я слышу. Она плачет, возмак. Не как зверь, а как ребенок, которому никто не объяснил, как так вышло, что её мир состоит из холодных камней и сырого мяса. И в этот миг я думаю, что прокляты мы все, а не только она.

Гервант молчал. Король провёл ладонями по лицу, выпрямился, поднялся, накинул капюшон.

Возмак думал, Фольстарт больше ничего не добавит, но на пороге он остановился и, не оборачиваясь, глухо произнёс:

– Если ты поймешь, что ей будет лучше там, в темноте... – Его голос сорвался на миг.
– Убей её. Убей её быстро.

Через выбитое окно было видно, как солнце окончательно скрылось за краем окоёма.

Гервант осторожно достал из сумки два пузырька с зельями. Сначала мелкими глотками выпил Накат – кора горького корня, высушенная медвежья кровь, ещё десяток неаппетитных ингредиентов – и подождал, пока мир перестанет быть мягким.

Крипта находилась прямо под галерейкой, и теперь возмак услышит, когда когти сострыги коснутся надгробной плиты.

Затем, прошептав магическую формулу, Гервант одним глотком опрокинул в горло полсклянки Светляка. Лицо его пошло серыми пятнами, зрачки расширились, заполняя всю радужку. Теперь он сам напоминал монстра. Медальон на груди завибрировал сильнее. Он и до того вибрировал, словно предупреждая: концентрация страха и стыда в этом месте превышает все допустимые нормы.

Возмак медленно размотал серебряную цепь. Затянул ремни на куртке потуже. Хотел было сбросить плащ, но, уже потянувшись к фибуле, оставил.

Проверил, легко ли выходит из ножен меч с напылённым на лезвие серебром – последний аргумент. Если станет совсем невыносимо, он её прикончит.

А может, сбежит. Неизвестно ещё, что хуже.

Гервант ждал. Эликсиры разогнали кровь, сильно замедлили сердцебиение, обнажили рефлексы до мяса. Он слышал, как этажом выше паруются мышцы.

Плита в крипте сдвинулась, когда полная луна выкатилась почти на середину неба.

Сначала в зале погасли свечи. Потом прошла волна запахов – озон, плесень и что-то сладковато-гнилое, как старые любовные письма, которые забыли сжечь.

Затем звук. Рык зверя, составленный из многоголосого хора шепотов, сливающийся в визг, подобный тому, что издаёт умырка.

Потом вползла тьма, словно свет выжали из фитилей. Воздух задрожал, как над костром, и из этого марева появилась, выпала она – огромный, нескладный подросток в истлевших кружевах-тряпках, передвигавшийся на непомерно длинных конечностях, в полуприседе, с невероятной скоростью, трясая свалявшимися рыжими волосами. Концентрированная ненависть.

Она не рычала. Из её пасти доносился многоголосый гул. Гервант услышал голос Фольстарта: «Я хочу, чтобы она была похожа на тебя, Илзе...». А потом голос самого Герванта: «Зачем мне мечи, если я не могу спасти даже себя?»

Закладывает уши от какофонии, из которой доносятся обрывки королевских указов и колыбельных.

Её рывок не смог бы отследить человеческий глаз, но Гервант и не был человеком. Он ушел перекатом, и когти сострыги полоснули по каменной колонне там, где миг назад была голова возмака.

Удар когтями слева – он снова ушел перекатом, чувствуя, как каменная крошка сечет щеку. Сострыга двигалась не как монстр, а как испорченная марионетка на заедающих шарнирах – ломаные углы, невозможные траектории. Благодаря Светляку возмак видел живое как бы отлепленным от фона и считывал движения раньше форм.

От дневного света, пожалуй, его глаза сейчас бы лопнули.

Когда она подскакивала ближе, голос в его голове становился громче. Голос был тонким, девчачьим, интонации – злыми и древними.

– Посредственность! Взял деньги, а последнего гуля не нашёл! Он вернулся через два дня! Ты слышал, как дети плакали, ты, Гервант, посредственность?

Возмак стиснул зубы. Это была всего лишь полуправда, но от этого не легче.

Он рубанул серебряным мечом – не пытаясь задеть, а только отогнать. Клинок срезал колтун рыжих волос, запахло палёным. Сострыга взвизгнула – не от боли, от удивления.

Она прыгала по стенам, по потолку, отталкиваясь от колонн, превращаясь в рыжее пятно. Гервант танцевал со смертью и крутился волчком, оголовьем меча парировал удары только благодаря чудовищно обострённым своим чувствам. Каждый взмах её когтей отдавался звоном в ушах и хрустом в зубах.

В её криках – его и чужие секреты, грязные сплетни и вой разочарований. Сломанная игрушка, сломанный проклятием монстр, рана на теле реальности, кровоточащая правдой.

– Ты никогда не станешь своим для людей! Ты просто инструмент, который забывают протереть после грязной работы! Никто не ждет тебя, нигде!

– Заткнись! – рявкнул Гервант, швыряя в неё Знаком Пхай.

Телекинетический удар вышел слабым, сострыгу лишь слегка отбросило к стене.

Она тут же извернулась, прыгнула и снова атаковала, на этот раз метя в горло.

– Они готовы вымыть пол твоей кровью, лишь бы не платить! Зачем ты их спасаешь?

– Расколдую – убью, – рыкнул он.

Хлестнул серебряной цепью – серебро сдерживает трансформацию и заземляет. При соприкосновении с цепью голоса оборвались коротким гулким треском. Сострыга взвизгнула – на сей раз как полуденница, и на мгновение в её глазах мелькнуло что-то человеческое, испуганное, детское.

А может, показалось.

– Ты сдохнешь в канаве с неоплаченным счётом за лечение, какдохнет каждый возмак! Ни один не умер в своей постели!

Чудовищным рывком Гервант дёрнул цепь, закручивая ещё одно кольцо, втиснул звенья в её распахнутую пасть. От визга сострыги посыпалась штукатурка, и возмак тут же бросил в неё Знак Вяжь – не как ловушку, как подавление шума.

Как же удержать эту силищу до рассвета, физически блокируя её и буквально закрывая ей рот серебряной цепью, пока его собственный мозг пытается не вытечь через уши?

Невозможно. Невоз...

Верно, он чуть ослабил натяжение цепи, и сострыга совершила неестественный, ломанный кувырок в воздухе. Её когти, длинные и острые, как хирургические пилы, на волос не достали до горла Герванта, прошли по воздуху прямо над воротом куртки.

– Кем ты себя возомнил, героем из легенд? Ты просто ржавый костыль в кривизне этого мира!

Он снова размотал серебряную цепь и хлестнул, сбивая её прыжок. Серебро обвилось вокруг лодыжки Аллы, сострыга рухнула с глухим бумом и завизжала почти по-человечески – обиженно и страшно.

Пока она билась в конвульсиях, заземленная серебром, Гервант помчался вниз, в крипту к саркофагу. Он запрыгнул внутрь, на холодный камень, пахнувший годами тоски, рядом со скелетированными останками Илзе. С грохотом задвинул тяжелую плиту над собой и размашисто начертил на крышке знак Бронь. Теперь сострыга не сдвинет плиту.

Снаружи происходило светопреставление. Алла добежала до крипты, воя от боли, причиняемой серебром, и теперь скребла камень когтями, и выла, и транслировала чистый, дистиллированный ужас маленькой девочки, которую заживо похоронили в теле монстра.

– Ничего своего! Мир состригает лишнее! Мы – то, что остаётся на полу после стрижки!

Гервант лежал в темноте, зажав уши руками, и пытался понять, как бы добраться до сумки с зельями на поясе и хлебнуть вытяжку каконита.

– Ты, я – ошмётки реальности, которые забыли смести с пола!

Потом она нашла его фальшивую родину, Кривию, и начала орать про то, почему он никогда не получит дома.

– Это просто слова! – хрипел Гервант, мотая головой. – Это не я! Это не ты...

Он держался до тех пор, пока сквозь крошечную щель в плите не просочился первый серый луч рассвета.

На полу рядом с саркофагом лежала голая, тощая девчонка. Она больше не фонила и не транслировала.

Гервант медленно подошел к ней. Он был выжат. Эликсиры переставали действовать, накатывала предчувствие отката и дикой усталости.

Алла смотрела на него, и в её глазах еще плескалось безумие, но теперь это было безумие страха, а не силы. Она смотрела на него – огромного, страшного мужика с нечеловечьи-серебряными глазами и серебряным мечом.

Он опустился рядом с ней на колено – медленно, чтобы не напугать ещё больше. Бесцеремонно поднял верхнюю губу, осмотрел зубы. Обычные человеческие короткие зубы. Протянул руку к её руке, скрытой рыжими встрепанными волосами...

Она прыгнула на него, как бешеная обезьяна, с воплем махнула рукой в последней вспышке звериной агрессии, и её ногти – теперь обычные, грязные человеческие ногти с остро обломанными краями – полоснули по шее.

Боль была отрезвляющей. Гервант перехватил её руку, выкрутил, повалил на пол и придавил коленом к холодному камню. Она плевалась и шипела, а возмак едва не застонал от пронизывающей ледяной боли в шее.

Царапина небольшая, а чувство такое, словно в кровоток затолкали осколки льда вперемешку с чужими грязными тайнами. Медальон на груди трясся. Алла тоже тряслась в его руках.

– Требуем уважения к статусу... – разобрал он через шипение принцессы. – Никакой галантности спасителя!

Гервант провёл рукой по ране. Кровь текла – неестественно темная, почти черная – какие-то остатки эликсиров среагировали. Возмак чувствовал, как вспухают края раны.

Рывком наклонился к её уху – обычному, совершенно нормальному человеческому уху, и прорычал в него тихо и злобно:

– Вечеринка закончилась, принцес-са! Папочка Фольстарт не станет тебя опекать, он будет слишком занят тем, чтобы стыдиться тебя! Монстром ты была приятнее, ты была искреннее! Теперь ты не будешь жрать людской ливер, но станешь началом новой лжи. Так что кончай истерику и учись лгать, учись вести себя по-королевски, с достоинством, соплячка!

Он долго и злобно плевался ей в ухо жестокими и правдивыми словами, пока её визги и рёв не перешли в плач испуганной четырнадцатилетней девочки.

Тогда он наконец отпустил её руки. Сдёрнул с плеч свой плащ, бросил ей.

– Прикройся. Идем искать твоего папашу. Надеюсь, он заплатит мне до того, как я свалюсь от сепсиса.

Возмак и расколдованная сострыга выходили из старого дворца вместе, пошатываясь. Герванту казалось, что из склепа доносится эхо искаженного голоса Аллы: «Миллион... миллион... роз...».

Послерассветье. Малый зал в новом замке. Гервант, бледный, с наспех замотанной шеей, через повязку просачивается кровь, стоит рядом с дрожащей, тощей, всклокоченной и крайне недовольной девицей, завернутой в его плащ. Рана на шее саднит и фонит старыми обидами.

Скоро ещё накатит дрожь, жжение под веками и, быть может, апатия после Наката.

Входит Фольстарт со свитой, останавливается у трона. Валера и Сегизмунд выглядят ошалелыми. Остора нет. Герванту и Алле делают знак подойти. Король смотрит на них: на возмака – внимательно, на принцессу – вскользь, как бы не скучливо, и тут же отводит взгляд.

– И это всё? – Фольстарт морщится от запахов. – Гервант, я ожидал чего-то более... эстетичного. Почему её волосы в таком беспорядке? Почему...

Его речь прервалась журчанием. Король несколько мгновений ошалело смотрел на лужу, расплывающуюся под ногами Аллы.

– Она была монстром многие годы, ваше величество, – прохрипел Гервант, зажимая рану. – Волосы, лужа – это... побочные продукты. Потребуются многие месяцы адапта...

– Вечно у вас, фри-лансов, отговорки, – король делает полшага к дочери, которая тут же зеркалит брезгливое недоумение в его взгляде. – Вот это, по-твоему, называется «исправленный вариант»?

Гервант видит, как у короля дрожат руки, когда тот хочет и не решается коснуться расколдованной дочери. Гервант видит, как собираются капельки пота на лбу Фольстарта и быстро-быстро бьётся жилка на виске. Возмак, быть может, единственный из всех, слышит, как дрожит голос короля.

– Я надеялся, ты как-нибудь с ароматом сирени это сделаешь, ну... или хотя бы бантик ей повяжешь. А она выглядит как после недельного запоя в канаве!

Гервант понимает, что ворчание короля – единственный способ не зарыдать от облегчения и ужаса одновременно. Ещё Гервант понимает, что ему срочно, очень срочно нужен лекарь, поскольку трупный яд – возможно, одна из самых безобидных субстанций, которые были на ногтях принцессы.

– И почему ты сам такой... окровавленный? Это портит торжественную атмосферу спасения!

Сочтя, наконец, что вполне высказался, Фольстарт с видимым облегчением отходит и машет рукой Сегизмунду.

– Ладно, выдайте ему причитающееся. – Оборачивается к Валере. – И справку тоже, я обещал. Но из гонорара вычтите десять процентов за несоответствие визуального ряда ожиданиям заказчика. И за кровь на ковре. В следующий раз, Гервант, постарайся работать... профессиональнее. Чище, что ли. С душой, так сказать.

Осадок смысла 1

Приятно было просыпаться не в канаве, а на чистых и удивительно белых простынях. Не очень приятен был запах укуса и горьких отваров, стоявший в храмовой аптекарне. Не очень приятно было, что Нянике, меняя повязки, костерила Герванта на чём свет стоит.

– Снова нахвтался чужого дерьма, – ворчала пожилая жрица. – Позволить какой-то сос-рыге занести в кровь инфекцию! Сколько раз тебя просила: не лезь без защитного контура в государственные тайны!

– Не было там никакой тайны, – брыкнулся Гервант.

– А-а, – проницательно улыбнулась Нянике, – хочешь, чтобы я вписала в историю болезни только несоблюдение техники безопасности? Неосторожность при контакте с высокотоксичным родственником заказчика?

Нянике с такой силой затянула узел на его плече, что возмак едва не взвыл от неожиданности.

– Твои реакции чрезмерно эмоциональны, – посерьёзнела жрица. – Ты слишком погружается в тот навоз, который тебе приходится разгребать.

– Что поделать, – проворчал возмак и принялся натягивать рубашку. – Это как с мёдом: нельзя держать его во рту и не попробовать.

Нянике посмотрела на него проницательно, и возмак отвернулся.

– Тебе нужна психотерапия, Гервант.

– Вовсе нет. Мне нужна чарка лимонной водки.

– Ты не можешь решать свои проблемы чаркой.

– Ещё как могу. Они или тонут, или ждут до утра.

Нянике бросила в Герванта полотенце.

– У тебя явные признаки устойчивого отрицания...

– Вот видишь, я устойчив.

– Ты постоянно в напряжении...

– У возмаков это называется «Жив».

– Ты избегаешь разговоров о себе.

– Не вижу смысла говорить с теми, кто не помогает мне убивать монстров.

– Гервант!

Он решил смолчать.

– Гервант, я не подпишу тебе обходной лист, пока ты не посетишь хотя бы один сеанс психотерапии!

Он вздохнул.

– Я пришлю к тебе Иолу.

Он вздохнул отчаянно.

– Она идеальный психотерапевт: вещунья, дала обет молчания и не будет тебе докучать вопросами, которые ты, паршивец, так не любишь. Ты сам ей расскажешь... как насчёт того, чтобы рассказать ей про свой первый возмачий заказ? Договорились? Ты увидишь, это вовсе не страшно. Ты просто с ней поговоришь.

– Угу, – буркнул Гервант, когда за Нянике закрылась дверь. – Самые паскудные истории в моей жизни обычно начинались со слов «Просто нужно поговорить».

Иоля смотрела на него молча, доброжелательно и долго. Очень-очень долго. Этот её взгляд – профессионально-мягкий, выжидающий – бесил Герванта сильнее, чем скрежет когтей умырки по камню.

Иоля ждала историй, откровений, катарсисов, мрак знает чего ещё. Она ждала, что возмак разложит перед ней свои кошмары, как выпотрошенную рыбу на прилавке.

Дис-спансеризация, будь она неладна.

– Тебе нужны подробности? – Гервант усмехнулся, и паскудная это была усмешка. – Ты хочешь знать, где и что у меня болит?

Она чуть наклонила голову, продолжая это своё безмолвное, удушающее вещунье анкетирование. Она ничего не делала, и это было неправильно.

Обычно он знал куда бить. Здесь цели не было.

– Ладно, – отрезал Гервант и качнулся к ней. – Я покажу тебе историю болезни без купюр. Ты же вещунья? Читай.

Его пальцы легли ей на затылок с властной тяжестью, он накрыл её губы своими – резко, сильно, как ставят печать на конверт.

Захлебнись реальностью. Смотри на меня настоящего, если тебе так приспичило.

Рванул её рубашку, навалился всей своей тяжестью, едва не уронив креселко – оглушить её, заставить отступить перед его напором, перед этим тактильным потоком, смутить, напугать, чтобы в её голове не осталось места для психоанализа.

Чтобы она сбежала из комнаты с визгом и Нянике прекратила настаивать на этой дурацкой психотерапии.

Смотри на меня, Иоля. Вон он я. Вот узел мышц на плече, который не расслабляется даже во сне. Вот холодный пот. Вот ярость. Это всё, что у меня есть. Ах да, ещё эманации. Знаменитые возмачьи эманации. Как тебе?

Она встретила его натиск горячим, открытым теплом, и её пальцы впились в узлы зажатых мышц на его лопатках с силой, которой он никак не ожидал.

Всё-таки нужно было настоять на лимонной водке.

Потом всё смешалось, и Гервант снова осознал реальность лишь когда рухнул вместе с Иолёй на матрас, навис сверху, как каменный свод пещеры. Она качнула бёдрами, принимая его – и меняя угол, не дала ему взять темп, заставила замедлиться, и он не сразу понял, что смотрит ей в глаза – два расплывающиеся, зеленовато-голубых пятна.

Иоля зеркалила его ярость несокрушимой мягкой силой, перехватила его запястья, подстроилась под ритм и заставила подстроиться его, превращая агрессию в невыносимую близость.

Её ладони скользили по его спине, пальцы задерживались на каждом рваном следе от когтей и шраме, будто ставили пометку в журнале. Её прерывистое дыхание обжигало правое ухо. Она прижималась к Герванту всем телом, ловя сбивчивый стук его сердца.

Она его слышала. Слышала всё то, что он пытался скрыть за своим агрессивным напором.

Его щит трещал, и Гервант не мог отлепиться от Иоли, от её горячей кожи, пахнувшей ромашкой, от ямки под шеей, горькой от духов, от абсолютной открытости и того, как сам начал открываться ей в ответ. Его тело, которое только что пыталось заставить Иолю замолчать, уже само кричало ей ответы.

Примерно половину вечности.

Потом оно задохнулось, взорвалось и рассыпалось, и возмак замер, уткнувшись губами в изгиб шеи жрицы. От его дыхания качалась тонкая прядь у её виска, его пальцы вцепились в её плечи, и стоило большого, большого труда их разогнуть.

Гервант отстранился, тяжело дыша. В комнате пахло озоном, потом и горькими травами. Иоля, пряча глаза и улыбку, перекатилась по кровати, коснулась губами его шеи, завозилась в поисках своего платья.

На её плечах горели красные следы от его пальцев.

Вот тебе и история болезни. Без купюр.

Не то чтобы Гервант неудержимо возжелал теперь рассказать Иоле про Микеллена, но решился *показать*. Когда жрица, приведя в порядок волосы, снова уселась в своё креселко, Гервант сумрачно, но безропотно сел напротив. Посмотрел ей в глаза. Возродил в памяти ту давнюю историю, на которую его, начинающего возмака, бросили как на низкоприоритетный «висяк», а оказалось...

Перед взором Герванта, вытесняя расписные стены лекарни, начал проступать густой кедровый лес и перекошенные, вечно хлопающие ворота усадьбы, которые пыталась его уку-
сить.

Издержки искренности

Кедвенские леса пахли хвоей, сыростью и безнадёгой. Гервант мимовольно всё крепче сжимал поводья, когда его лошадь Правка аккуратно обходила очередную лужу, напоминающую по форме чей-то след.

Заказ ему выдали в управлении муниципальных аномалий города Ард Каррайг. Выдали неохотно, с таким видом, словно молодой возмак просил у городских чиновников не работу, а по меньшей мере первенца в рабство.

Дело было, по правде, третьестепенное для городских властей, постоянно забываемое и нудное, как болящий зуб. Многие годы его то запихивали под сукно, то доставали обратно. В протоколе значилось: «Возможное нарушение санитарно-магических норм в секторе 4-Б. Жалобы на несанкционированные выбросы энтропии».

С одной стороны, формулировка достаточно размытая, чтобы оправдать ею что угодно, за исключением, разве что, хорошего урожая. С другой стороны, она могла означать «Мы боимся туда ехать с проверкой и надеемся, что там сдохнет кто-нибудь другой».

Сектор 4-Б находился в области малонаселённой, зато имеющей не самую хорошую славу, потому в канцелярии Арт Каррайга о нём предпочитали не помнить.

Но раз уж молодому возмаку настолько позарез нужна хоть какая работа... Дело, можно сказать, по его части. От несанкционированных выбросов энтропии в округе, бывает, и жляги плодятся.

– Ты подумай, Правка, – негромко ворчал Гервант, озираясь, – «Несанкционированные выбросы». У елей через одну лапы в виде пятерней, в ночи волки гавкали, как дворовые псы, ведьмины круги едва не на каждой развилке хороводят... А они называют это «выбросами». Да это ж одна сплошная аномалия!

Чем дальше в лес – тем толще были ели и тем сильнее густел туман, хотя, казалось бы, неоткуда взяться тут туману.

А потом лес вдруг кончился, втёк в низинку чахлыми ольхами, а из тумана возникло усадьбище, внезапное, как неоплаченный налог. Истинный шедевр магического зодчества – из тех, что создавались старейшими магами для медитаций и демонстрации безумных бюджетов... лет эдак триста назад. Сейчас усадьбище выглядело как аристократ, которого три недели пытали в свинарнике.

Ворота, выкованные в форме переплетенных лоз, дернулись при приближении Герванта. Заскрипели, крикнули и застонали, жалобно, почти как дитя. Но когда возмак коснулся створки, железо клацнуло, и Гервант едва успел одёрнуть руку.

– Уважаемый! – крикнул Гервант в пустоту двора громче, чем собирался. – Как там вас... – Заглянул в бумаги. – Микеллен! Меня прислала службы надзора за аномальными хозяйствами! У меня предписание на проверку состояния жилья и метафизических фильтров!

В ответ донесся тяжелый утробный рык. Дом вздрогнул, одно из окон на втором этаже с грохотом захлопнулось.

– Поступил сигнал о домашнем насилии! – ещё повысил голос Гервант и помахал свитком с печатью, который уже начал светиться сиреневым из-за фонового излучения. – Серьёзно, вы насилуете этот дом?

Ворота медленно, с душераздирающим скрежетом отворились. Гервант покосился на створки и не стал заезжать во двор.

– И знаете что? Судя по тому, как у вас водосточная труба пытается свернуться в петлю, ответ: да! Выходите ко мне добром, Микеллен! Я не уеду!

Хозяин с рыком вывалился на порог. Могучий, косматый, тяжело дышащий. Посмотрел на возмака, наклонив голову, издал пронзительный звериный рёв. На порог ляпнулась слюна.

Гервант прищурился. Его медальон мерно вибрировал.

– Ррррааау! – взревел хозяин. – Убирайся, смертный, пока я не разорвал твою тушу на сотни маленьких чинуш!

– Вы чем-то больны? – заинтересовался Гервант. – У вас припадок? Бешенства нет? Блохи не кусают? У нас тут серьезное дело о незаконн...

– Гм. – Хозяин выпрямился, тяжело перевалился, помотал косматой головой. – Я тут, понимаешь, экзистенциально рычу, а он меня не боится. Не боится же?

Гервант спешился.

– Не боюсь. Прекратите этот балаган, Микеллен, я вам не чинуша из ратуши. Я возмак.

– Возмак? – Слюна капнула с кривых зубов. – Сталбыть, людишки окрестные скинулись на убийство чудовища, да?

– Прекратите, – повторил Гервант. – Никакое вы не чудовище, Микеллен.

Хозяин трубно хохотнул.

– Что ж, вот и что-то новенькое! – Попыхтел, помедлил, рассматривая возмака глубоко сидящими глазками. – Что же, проходи, милсдарь. Только прошу без глупостей. Дом слушается моих указаний, если ты ещё не понял. Дёрнешься к мечу – сожру тебя на ужин вместе с ним и курткой, ясно?

Возмак хмыкнул. Прежде чем всё-таки пройти через ворота, помедлил, гадая, как себя вести, если створки снова попробуют оттяпать ему что-нибудь важное – и вдруг замер. Кожей ощутил, как за спиной, в густой стене туманного леса, что-то изменилось. Как будто воздух стал плотным и липким, толкнул его в затылок. В тот же миг медальон на груди сильно, нервно дрогнул.

Из леса кто-то смотрел.

Гервант решил сделать вид, что ничего не заметил. Мало ли, вдруг не в меру ретивый маг из департамента решил сделать крюк в двадцать вёрст и проследить за проверкой.

Взял Правку под уздцы, вторую ладонь успокаивающе положил на створку ворот, и та нервно дёрнулась, но укусить снова не попыталась.

Прошёл через двор. Мимо сладко пахнущих цветочных клумб, мимо неработающего фонтана с фигурой сирены, по дорожке, засыпанной сухой листвой и пылью. Привязал лошадь у крыльца.

Микеллен наблюдал за возмаком молча, внимательно, не говорил ни слова, только ворчал горлом и громко, по-звериному сопел. Когда возмак поднялся на крыльцо, хозяин отступил вглубь вестибюля, пятясь и задевая створки широченными плечами. Гервант заметил, что когда Микеллен шагнул в дом, развешанные по стенам гобелены испуганно вжались в камень, словно стараясь не отсвечивать.

Внутри усадьбище напоминало декорацию к сказке о красивой жизни, которую рассказывают в сумасшедшем доме. Сводчатые потолки сияли самородным золотом, но по углам это золото отслаивалось, обнажая серую, пульсирующую плоть стен. Дорогие безделушки на полках выглядели так, словно их использовали вместо молотка.

Каждый шаг отдавался под кожей неприятным зудом. Медальон мелко дрожал.

Микеллен шел впереди, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Двигался он странно, то и дело задевал плечами косяки, хотя проемы были достаточно широкими. Время от времени утробно ворчал, оглядываясь на гостя.

Наконец вошли в небольшую столовую.

– Садись, – рявкнул Микеллен, указывая на массивное кресло. – Будем... конструировать диалог. Раз уж ты притащился сюда с этими грёбаными бумажками.

Как только Гервант приблизился к креслу, оно подпрыгнуло на месте, услужливо подставляя сиденье под его зад. Сделало оно это с таким рвением, что возмак едва не прикусил язык. Сиденье начало медленно, с едва слышным шумом, подогреваться.

Это не было похоже на магическое гостеприимство. Это было похоже на то, как дрессированная собака вжимает голову в плечи, ожидая удара, но продолжая выполнять команды.

Микеллен угнезвился в кресле, ворочаясь и тяжело сопя.

– Вишь, дом видит гостя. Он старается. А ты говоришь – «насилие». Да мы с этим домом – одно целое!

Гервант положил ладони на резные подлокотники.

– А мне кажется, он боится тебя. Мне кажется, он работает на пределе.

– Осторожнее со словами, – буркнул хозяин и беспокойно заёрзал, отчего его кресло начало испускать аромат жасмина, смешанный с запахом псины. – Дом сегодня нервный.

– Когда к тебе в последний раз заходили представители власти?

– Запоминал. Последний инспектор... кажется, стал частью паркета в малой гостиной. Несчастный случай при замере магического фона.

Возмак присмотрелся к камину. Огромный зев из черного мрамора извергал ровное, почти идеальное пламя. Но в этом огне не было треска дров. Из решетки над камином тянуло горелым – не древесиной, а скорее едким запахом паленой шерсти, а может, жжёных костей.

– Ты хочешь камин, и дом его имитирует, – продолжил Гервант, игнорируя тяжелый взгляд хозяина. – Но заслонки заклинило, а магический контур «сквозит». Где-то в лесу сейчас задыхается сосняк, потому что ты решил, что открытый огонь – это уютно. Ты в курсе, что вокруг твоего дома расползаются магические аномалии?

Микеллен внезапно подался вперед. Густая поросль на лице в сполохах камина придавала ему вид отчаянный и зверский.

– Ты пришел сюда читать лекции? – рыкнул он. – Моя семья жила в этом доме... да верно, ещё до того, как твои цеховые мастера научились чеканить медальоны. Мой прадед отжал эту развалину у колдунишки, который...

– Строил этот дом лет двадцать как шедевр архитектуры с зачатками разума, а твои предки просто выбили двери, зарезали хозяина и начали использовать порталную чашу как подставку для пива? Вот что я называю терминальной стадией рентабельности.

– Ты не язви мне! Ты води себя прилично, возмак! А то, сказал же, сожру тебя вместо обеда. Веришь, да? Не подавлюсь! Видишь мою пасть, мои лапы?

– Вижу, – сухо ответил Гервант.

В углу залы с грохотом упала напольная ваза. Не разбилась – сложились внутрь себя, превратившись в бесформенный кусок глины.

– Осадка не выдержала, – констатировал Гервант. – Микеллен, у твоего дома крыша едет в буквальном смысле! Фундамент фонит, у лестницы экзистенциальный кризис, ты понимаешь, твой дом кричит от боли! А вокруг него реальность истончилась до состояния пергамента.

Микеллен упрямо мотнул головой.

– Лестница вовсе не в кризисе, у неё просто такая планировка. Этот дом... он в порядке, возмак. Ему всегда нужна была крепкая рука, если хочешь знать. Да и я куда лучше стал управляться с ним после превращения, без ложной скромности.

– Превращения?

– Ну когда это отросло, – хозяин мотнул косматой головой. – Морда, сталбыть. Лапы. Ты ж не думаешь, что я родился с медвежьей головой?

– Определённо, нет, – прищурился возмак.

– Давай-ка расскажу тебе, как дело было. Чтобы понял: нет тут никакого домашнего насилия, мы с этими стенами душа в душу... Эй, дом! Обед!

Невидимая сила швырнула тарелки на дубовый стол, который жалобно скрипнул. Гервант едва удержался, чтобы не присвистнуть: в тарелках было тушеное мясо, варёные раки, два вида мясных супов, не счесть сколько подливок, каш, лепешек, сыров, виноградное вино и жбан

овсяного пива. Микеллен воткнул кинжал в кусок мяса, с утробным рыком оторвал зубами изрядный кусок. Пожевал, урча, крикнул.

– Началось всё с того, что предки мои, разбойничья кровь, решили, что мы можем выйти в свет, понимаешь. Династию обелить, ага. Для того подыскали мне невесту из рода обедневшего, но почти что из знатных. Прабабка её, говорят, у одной графы в поломошках служила. Ах, какая это была девица, Гервант, ты б её видел! Манеры, голосок колокольчиком, шелковые платьюшки... Такая тонкая, звонкая, вся в духах и недомолвках. Я дышать боялся в её присутствии, думал, сломаю.

Он жадно отгрыз ещё кусок мяса, прожевал, утёрся рукавом.

– А она меня потихоньку в угол загоняла, что я понял вовсе даже не скоро. Знаешь, как это бывает? «Мики, твоя сестра на тебя так пытливо смотрит, явно ждет, когда ты оступишься». «Мики, твоя тётка вчера высчитывала стоимость твоего серебра». И я верил. Как пес верил. К тому времени, как отец мой помер, я уже видел вокруг не родню, а стаю гиен. Ну и погнал их из дому, дармоедов, погнал по жениной указке так, что пыль столбом стояла. Сестру – в монастырь, чтоб не отсвечивала, тётку – к черту на куличики. Разогнал всех старых слуг, всех приживальцев... Все рыдали, кричали, что я зверь, что я чудовище. А я на крыльце стоял и чувствовал, как шерсть на загривке дыбом встает от гордости. Думал, защитил родовое гнездо. Недоумок, что уж.

Возымак сочувственно что-то промычал из-за ножки каплуна.

– А потом жена говорит: «Мики, если вдруг родня твоя подаст в суд, то всё имущество арестуют. Давай-ка мы твои активы перебросим на безопасный счёт. Чтобы эти стервятники ни медяка не получили в случае чего». Я и подписал. Всё подписал, что она подсунула. И доли в приисках, и доли в производствах, и векселя на предъявителя... А наутро проснулся – в доме тишина. Ни жены, ни слуг, ни денег. Только этот дом, заложенный-перезаложенный.

Микеллен поднял на Герванта тяжелый, налитый кровью взгляд.

– Заперся я здесь. Понял, какой я дурак, и решил – пусть дом гниет вместе со мной. Не самое плохое пространство для деградации: самонадевающиеся тапочки, вино из пустоты и вечно цветущие голубые розы в палисаднике. А, проклятье, розы-то растила тётушка, нарочно выписала их из-за моря. Да-да, жена говорила, что на них ушёл годовой бюджет провинции. Зато они цвели даже в мороз! А я прогнал тётку из дому, определил её в... куда же? Да и не вспомню. В какую-то храмовую богадельню в Сидорисе! Это ж всё жена попридумала, я только бумаги подмахивал и... никого потом не смог отыскать, ни сестру, ни тётку, ни слуг.

Гервант не утерпел:

– И ты решил, что лучший способ заукливания – это устроить энтропийную катастрофу, чтобы твой камин горел без дров?

– Думаешь, я этого хотел? – проворчал Микеллен. – И ты не думай, будто я не пытался всё исправить. Однажды какой-то купец ко мне явился, заблудился в тумане. Решил, что усадьба заброшена. Сорвал одну розу для дочки.

Микеллен повернул голову к Герванту. Его взгляд был тяжелым, расфокусированным. Гервант оглушительно всосал костный мозг, пытаясь одновременно показать, что очень внимательно слушает.

– Я вышел к нему. Я тогда... я уже чувствовал, что меняюсь. Внутри аж распирало, снаружи чесалось, хотелось рычать на несправедливость налогообложения, на шум дождя, на собственную ненужность и бестолковость. Так мне захотелось сорвать злость на этом купчишке, не представляешь! Прижал его к забору и как рявкну: «Плати, гад, за нанесение вреда имуществу, либо...» Я и сам не знал, что «либо». Но он так задрожал, едва портки не обмочил, и тут же предложил мне самое ценное. Свою дочь.

– Это называется торговля людьми, Микеллен! Статья сто двадцать семь, часть вто...

– Это называлось шансом на реабилитацию! – рявкнул Микеллен, и дом отозвался гулким эхом в дымоходе. – Купчишка заливался соловьём, мол, его дочь такая хорошая направляльщица по принятию себя, то-сё. Лекции слушала аж у профессоров в Эрленбургском Университете. Моргнуть, мол, не успею, как снова подружусь с собой и с действительностью. Ну, думаю, что мне терять, кроме своих оков?

Микеллен схватил бутылку с вином, ловким ударом вышиб пробку, сделал несколько жадных глотков.

– Она приехала. Читала мне книжки, Гервант. Поучала. Вещала. До того напомнила мне жену, что я её чуть в фонтане не утопил, веришь? Веришь, а?

– Вполне.

– Угу. Я быстро понял, нихрена она меня не направит и... просто захотел, чтобы все, все-превсе меня оставили в покое в этом удручающем комфорте. Выдал ей выходное пособие и отправил домой. Но слушок, видать, пополз. Всевозможные направлялы, толкачи, головоправы стали приезжать сюда, словно на работу, Гервант, и всё это жутко меня бесило. Тогда я действительно стал ощущать, что зверею. В полном смысле зверею, понимаешь? Верно, тогда моя морда и стала формироваться уж в таком, окончательном, так сказать виде.

Микеллен снова приложился к кубку.

– Ну а как тут не озвереть, если все хотят тебя монетизировать? Сделать твоё одиночество своим бизнес-планом? Эх, язви его. Люди вообще-то боятся чудовищ, Гервант, но лишь пока не поймут, что чудовище может решить их проблему быстрее их самих. Потом они боятся только цены. И только этот дом... только дом был со мной честен, Гервант, и нихрена от меня не хотел. Мы с ним душа в душу, веришь? Но я чувствовал, как он впитывает мою растущую ненависть. Он рос вместе со мной, Гервант. Стены становились толще, магия – агрессивнее. Я заперся. Я рёвом и рявками отгонял от ворот всех этих толкачей и направлял, а потом обучил ворота кусаться. Миру хотелось видеть во мне чудовище, которое непременно нужно исправить, а я решил быть неисправимым чудовищем.

На столе между ними из воздуха материализовался графин и два кубка. Вино в графине было подозрительно алым и густым, а стекло мелко дрожало, будто сосуд колотило в ознобе.

– И тогда? – тихо спросил Гервант.

– Чего? – Микеллен наклонился вперед, пытливо всмотрелся в бесстрастное лицо возмака.

– В таких историях всегда бывает какое-то «и тогда», Микеллен. Ты теперь живёшь не один, верно?

– Язви тебя, – буркнул Микеллен. – Верно. Однажды пришла женщина, которая не обрывала мои розы, не тащила с собой гвардию юристов и не хотела меня изменить. Она любит меня таким... высокотоксичным. Говорит, я прекрасен в своей ярости. Говорит, моё проклятие – это просто видимость, которая не скрывает моего, гм, обаяния.

– Проклятия?

– Морда! – рыкнул Микеллен. – Я не помню, в какой момент моё лицо окончательно превратилось в медвежью морду! Но я даже не против, так сподручней гонять пришибленных толкачей.

– А твоя женщина... – вкрадчиво начал Гервант.

– Говорю же, однажды просто пришла из леса. И впервые дом замурлыкал. Он замурлыкал, возмак! Я знаю, что она, верней всего, не человек. Может, наядя или русалка. Мне плевать, ясно?

Гервант почувствовал, как по залу прошел легкий сквозняк, пахнувший свежавырытой землей и чем-то приторно-сладким.

– Микеллен, давай-ка займемся арифметикой. Твой дом – проект класса «А». Он требует для поддержания базовых функций – тепла, света, самопродвигающихся стульев – столько энергии, сколько вырабатывает в сутки небольшое стихийное место силы.

– И чего?

Гервант постучал пальцем по подлокотнику кресла.

– Я смотрел карты в Ард Каррайге. Ближайшее стихийное место силы иссякло два года назад. А у тебя тут вечный камин полыхает, капли по щелчку пальцев, кресла подсовываются прямо под зад и... – Гервант поморщился. – Я возмак, у меня обострённые чувства. Сейчас я услышал тихое чавканье под половицами. Кто-то скормливает дому что-то более существенное, чем унылые мантры элренбургских направлял. Ты не интересовался, куда деваются те, кто заходит в твой лес?

– Лес? При чём тут лес? С чего в нём куда-то деваться? – Микеллен двинул покрытыми мехом плечами, и Гервант, как ни вглядывался, не увидел ничего, кроме искреннего недоумения.

– В документах сказано, что проблема с окрестностями – только в аномальных выбросах, но я проезжал через несколько деревень на пути сюда и слушал. Слушал, Микеллен. В деревнях пропадают люди, на трактах теряются путники. Слишком много, чтобы это было простым совпадением. Слишком много, чтобы списать на разбойников или даже на монстров, расплодившихся на этих землях от избытка энтропии.

Гервант подошел к камину, стал смотреть на идеально ровное, тихое пламя.

– Микеллен, ты не «закуклился». Ты стал ненасытным брюхом этого края. Ты сам это сделал или кто-то другой подключил этот дом к внешней питательной базе?

Микеллен вскочил, его лицо исказилось.

– Что ты несёшь? В чём ты меня обвиняешь? Ты хочешь забрать мою усадьбу?

Гервант положил руку на рукоять меча. Микеллен утробно взрыкнул.

– Я пойду осмотрю твой ландшафтный дизайн, Микеллен. Искренне надеюсь, что не найду там гору обглоданных костей... но очень удивлюсь, если не найду.

Гервант вышел на террасу. За спиной Микеллен что-то невнятно рычал, круша, судя по звуку, гарнитур, но дом гасил эти звуки, превращая их в уютное похрустывание с древесными нотками. Дом очень старался, чтобы возмаку было комфортно уходить.

Сад Микеллена встретил тишиной, от которой закладывало уши.

Возмак спустился по ступеням, шагнул на газон. Трава не смялась – хрустнула, как тонкое стекло.

– Правка, – негромко позвал Гервант.

Кобыла, привязанная у крыльца, вскинула голову. Она мелко дрожала, её глаза были расширены.

Гервант двинулся вглубь сада, вдоль кустов с самыми синими розами. Издалека они выглядели шедевром. Вблизи – пугали. Лепестки были такими густо-синими, что казались дырами в пространстве. Возмак достал нож и осторожно коснулся стебля. Вместо сока из разреза посыпалась серая пыль, похожая на пепел.

Он присел на корточки, изучая почву. Под слоем декоративной мульчи земля была исчерчена странными бороздами. Они тянулись от фундамента дома вглубь леса, как вены. Гервант пошел вдоль одной из них.

Чем дальше он уходил, тем сильнее менялся пейзаж. Иллюзия истончалась, деревья иссыхали, кора у некоторых была покрыта белесым налетом, ветви застыли в неестественных, мучительных изгибах. Лес за усадьбищем был выпит, и давно.

У овражка за оградой Гервант остановился. Здесь «вена» заканчивалась небольшим холмиком, присыпанным свежей хвоей.

Возмак разбросал хвою, потянул за торчащий край – обрывок кожаной куртки с бляхой лесного департамента Кедвена. Чуть глубже белела кость – чистая, сухая, без единого грамма плоти.

– Так вот ты какой, энергетический профицит, – Гервант выпрямился, чувствуя, как затылок начинает покалывать от чужого присутствия.

– Нашли что-нибудь интересное, мастер? – голос раздался прямо за плечом.

Гервант не вздрогнул – он слышал, как она подходила. Теперь медленно развернулся, держа руку на рукояти меча. Медальон бился под рубашкой.

К нему шла женщина. Большеглазая, тоненькая. Простое платье из небеленого льна, чистые смоляные волосы, мягкий, почти светящийся взгляд. В её улыбке не было ни капли злости или тревоги, только безграничное, удушающее спокойствие.

– Умырка, я полагаю? – Гервант окинул её взглядом, фиксируя детали: отсутствие тени, отсутствие дыхания, очень-очень бледная кожа. – Или войка? Обыкновенные кровососы не умеют наводить такой качественный морок.

– Я просто любящая женщина, которая помогает Микеллену не сойти с ума от правды, – она улыбнулась, и в этой улыбке было столько наставительного проясняльства, что у Герванта заныли зубы. – А вы из города, мастер? Как там живётся в мире вранья, налогов и жестоких законов?

Он медленно потащил из ножен меч, не отрывая взгляда от её рук.

– А здесь – территория гармонии, – продолжала журчать она. – Зачем вы копаетесь в земле? Она скрывает то, что уже не имеет значения.

– Это «не имеющее значения» недавно носило бляху лесничего и, вероятно, имело семью, – Гервант стал обходить её по широкой дуге. – А в твоём курсе гармонизации пространства предусмотрено слишком много полного растворения соседей в пользу одного отдельно взятого... допустим, медведя.

Она остановилась и с улыбкой смотрела, как возмак обходит по дуге, так, чтобы солнце оказалось против неё.

– Вы напряжены, мастер Гервант, – прошептала она, и запах свежевырытой земли вдруг сменился ароматом цветущей липы и парного молока. – В вашей голове столько мусора.

– Я... – он потряс головой. – Я не называл тебе имя!

– Чужие контракты, скрип кожаных ремней, звон медяков... Вам правда хочется стать санитаром в мире, который лишь о том и мечтает, чтобы гнить?

Гервант хотел ответить остроотой про налоговый вычет, но слова застряли в горле. Он вдруг заметил, что его меч больше не кажется ему инструментом защиты. Это была просто тяжелая, холодная полоска стали, которая мешала чувствовать тепло этого мира.

«Морка», – толкнулась в голове запоздалое озарение.

Ну конечно, морка. Ни умырка, ни войка, хоть и весьма развитые вампиры, не сумели бы так заморочить Микеллена. И возмака. Неопытного, глупого, самонадеянного возмака.

– Посмотрите вокруг, – её сладкий голос лился прямо в череп, минуя уши. – Разве этот лес мертв? Он просто избавился от лишнего. Видите, как светят искры в воздухе? Это чистая энергия. Я зову вас в этот поток, мастер Гервант. Что ждёт вас на другом пути? Больная спина, уродливые шрамы и горечь, которая не даст ни жить, ни дышать. Разве вы этого хотите, мастер Гервант? Разве такую жизнь вы выбирали – нет, ведь выбор сделали за вас. Сейчас вы можете изменить свой путь, разрушить оковы, выбрать мир такой же чистый и уютный, как этот сад. Без осадка. Без боли. Без шрамов. Только светлая, бесконечная искренность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.